

CULTURAL LIBERALIZATION DURING THE KHRUSHCHEV THAW AND THE TRANSFORMATION OF SOVIET LITERATURE: A NARRATIVE REVIEW

Siyami Eidlak Khalida^{1*}

Associate Professor, University of Bojnord,
Bojnord, Iran

Sabzi Ali²

Master's Russian Studies, University of Tehran,
Tehran, Iran

Khalafi Hossein³

Master's Russian Literature, University of Tehran,
Tehran, Iran

(date of receiving: June, 2026; date of acceptance August, 2026)

Abstract

Article presents a qualitative analysis of scholarly interpretations of the "Khrushchev Thaw" (mid-1950s to mid-1960s) and its impact on Soviet literature. The subject of the study is the interrelationship between cultural liberalization, literary institutions, and the transformation of artistic expression during the "Thaw"—a period characterized as a structurally unstable and politically constrained form of the restructuring of Soviet culture. Drawing on contemporary and historical literary scholarship, the article examines the transition from the ideological rigidity of the Stalin era—characterized by the dominance of Socialist Realism, institutional control, and the suppression of individual self-expression—to the more flexible, yet still constrained, cultural environment that emerged following Stalin's death in 1953 and Nikita Khrushchev's denunciation of the cult of personality in 1956. The article argues that the "Thaw" fostered significant changes in Soviet literature, including the abandonment of the principle of "conflictlessness," the return of the lyrical "I," a heightened interest in historical trauma and everyday life, and the emergence of more ambiguous narrative forms and morally complex characters. The study revealed that the cultural significance of the "Khrushchev Thaw" lay not in the elimination of ideological control, but in a partial re-evaluation of the function of literature within Soviet culture and the formation of a fragile model of "permitted dissent".

Keywords: Khrushchev Thaw, Soviet Literature, De-Stalinization, Socialist Realism, Cultural Liberalization.

1. E-mail: kh.siyami@ub.ac.ir, <http://orcid.org/0000-0001-9466-7428>

* Corresponding author

2. E-mail: ali.sabzi@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0009-0009-7324-5387>

3. E-mail: khalfihosseini@ut.ac.ir, <http://orcid.org/0009-0000-0053-0472>

КУЛЬТУРНАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПЕРИОДА «ХРУЩЁВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: НАРРАТИВНЫЙ ОБЗОР

Сиями Эйдлак Халида^{1*}

Доцент, Боджнордский университет,
Боджнорд, Иран

Сабзи Али²

Магистр, Тегеранский университет,
г. Тегеран, Иран

Халяфи Хоссейн³

Магистр, Тегеранский университет,
г. Тегеран, Иран

(дата получения: июнь 2026 г., дата принятия: август 2026 г.)

Аннотация

Статья представляет собой качественный анализ научных интерпретаций «хрущёвской оттепели» (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) и её влияния на советскую литературу. Предметом исследования является взаимосвязь культурной либерализации, литературных институтов и трансформации художественного выражения в период «оттепели» как структурно нестабильной и политически ограниченной формы переустройства советской культуры. В статье на основе современных и исторических литературоведческих исследований представлен переход от идеологической жёсткости сталинской эпохи, характеризовавшейся доминированием социалистического реализма, институциональным, сформировавшейся после смерти Сталина в 1953 г. и разоблачения культа личности Н.С. Хрущёвым в 1956 г. В статье утверждается, что «оттепель» способствовала существенным изменениям в советской литературе, включая отказ от принципа бесконфликтности, возвращение лирического «я», усиление интереса к исторической травме и повседневности, а также появление более неоднозначных повествовательных форм и морально сложных героев. В результате было выявлено, что культурное значение «хрущёвской оттепели» заключалось не в устранении идеологического контроля, а в частичном переосмыслении функции литературы в советской культуре и формирования хрупкой модели «разрешённого инакомыслия».

Ключевые слова: «хрущёвская оттепель», советская литература, десталинизация, социалистический реализм, культурная либерализация.

1. E-mail: kh.siyami@ub.ac.ir, <http://orcid.org/0000-0001-9466-7428>

* Ответственный автор

2. E-mail: ali.sabzi@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0009-0009-7324-5387>

3. E-mail: khalfihosseini@ut.ac.ir, <http://orcid.org/0009-0000-0053-0472>

Введение

Современные исследования рассматривают «хрущёвскую оттепель» как сложную реконфигурацию культурной власти и институциональной практики. К.А. Савосин подчёркивает, что процесс либерализации носил в своей основе избирательный и парадоксальный характер, сохраняя ключевые механизмы партийного руководства при одновременном расширении тематических границ художественного производства (Савосин, 2026). М.Е. Михайлова, анализируя феномен «полочного кино», утверждает, что: «ограничительные механизмы представляют собой систему с отлаженными процессами, цензура работает эффективно, что позволяет отсеивать ненужное ещё на этапе производства» (Михайлова 2025, 202).

В литературной сфере исследователи уделяют значительное внимание институциональной структуре оттепели, особенно роли литературных «крупных журналов». Д. Франклин определяет их как ключевые пространства того, что он называет «институционально встроенной автономией». Вместо того чтобы функционировать исключительно как инструменты пропаганды, литературные журналы могли выступать площадками, в рамках которых редакторы и писатели стремились преодолеть противоречия советской культурной системы (литературная легитимность, творческая автономия, формальные правила) и расширить границы допустимого выражения. На уровне литературной формы и эстетики ряд исследователей (Gütmane Z, Loewen D., Spechler D.) также отмечают существенные изменения в повествовательной практике периода «оттепели» и описывают переход к более аутентичному изображению человеческого опыта в литературе эпохи «оттепели».

Основная часть

Культурные трансформации периода «оттепели» не ограничивались элитарными литературными кругами, они затрагивали более широкие модели

социальной и культурной жизни. О.Д. Попова и М.О. Масловский отмечают, что эти изменения были распределены в советском обществе неравномерно. В провинциальной среде аудитория всё чаще обращалась к литературе, театру и другим культурным практикам как к способам удовлетворения новых личных и культурных потребностей (Попова, Масловский 2025, 59). Аналогичным образом А.И. Федотов связывает расширение досуговых практик и увлечений среди советской молодёжи с более широкими социальными изменениями эпохи «оттепели», утверждая, что подобные процессы способствовали попыткам государства возродить социалистический идеал посредством форм общественной самоактивности, а не исключительно через принуждение (Федотов 2025, 76).

Культурные сдвиги данного периода вызвали более широкие дискуссии, касающиеся идентичности, идеологии и международного восприятия Советского Союза. А.В. Голубцова утверждает, что процесс десталинизации способствовал постепенному разрушению «советского мифа» среди западных интеллектуалов, поскольку растущее осознание внутренних советских реалий ставило под сомнение идеализированные представления о СССР. Внутри самой художественной культуры также возникали дискуссии об аутентичности и идентичности (Голубцова 2026, 27). Р. Беганова показывает, каким образом художники, работавшие с фольклорным материалом, стремились вернуть элементы русской культурной аутентичности, освобождая их от сталинского феномена «псевдофольклора», оставаясь при этом в культурной среде (Беганова 2024). М.С. Петренко предполагает, что: «либеральный дискурс, связанный с «оттепелью», со временем утратил динамику, поскольку стремление к социальной стабильности и материальному благополучию способствовало более консервативному культурному повороту в ранний брежневский период» (Петренко 2025, 464).

Несмотря на растущий объём исследований, посвящённых хрущёвской оттепели, взаимосвязь институциональной либерализации с трансформацией

литературной морали и индивидуального самовыражения остается за рамками интересов современных исследователей. В частности, ограниченное внимание уделяется тому, каким образом исследователи в совокупности интерпретируют взаимодействие между идеологическим контролем, литературными институтами и возрождением индивидуальных моральных перспектив героев (герой как носитель личной этики, конфликт между личным и общим и т.д.) в советской литературе периода Хрущёва. В данном исследовании авторами предпринята попытка восполнить данный пробел посредством анализа научных работ отечественных и зарубежных исследователей, посвящённых литературной культуре эпохи «хрущёвской оттепели». Цель исследования заключается в том, чтобы представить целостную характеристику понимания того, каким образом культурная либерализация изменила отношения между писателями, идеологией и обществом в послесталинском Советском Союзе.

Для достижения поставленной цели авторы используют такие методы как качественный нарративный обзор литературных источников при анализе научных интерпретаций трансформации советской литературы в период «хрущёвской оттепели», а также метод интерпретативного синтеза. Данный анализ основан на корпусе двадцати научных работ, посвящённых различным аспектам культурного и литературного развития СССР в период десталинизации, отобранных в соответствии с их значимостью по трём ключевым направлениям: трансформация советской культурной политики после смерти Сталина; институциональные структуры, формировавшие литературное производство; научные интерпретации тематических, повествовательных и моральных изменений в литературе эпохи оттепели. Посредством синтеза данных подходов, авторы исследования стремятся поместить существующую научную литературу в более широкую аналитическую рамку и прояснить, каким образом историки и литературоведы осмысливают культурные последствия десталинизации для советской

литературы. Несмотря на то что статья опирается на вторичные научные источники и не ставит целью проведение всеобъемлющего текстуально-архивного анализа, данный подход способствует проведению критического обзора современного состояния исследований, посвящённых культурным и литературным трансформациям, связанным с «хрущёвской оттепелью».

Исторический и институциональный контекст (1953–1964)

Институционализация литературной сферы была закреплена созданием Союза советских писателей в 1934 году, что формализовало социалистический реализм как официально санкционированный художественный метод, призванный изображать действительность в её «революционном развитии» (Конди 2000, 165). Культурная политика этого периода была дополнительно ужесточена кампанией «ждановщины» конца 1940-ых гг., которая утвердила строгую идеологическую ортодоксию и свела литературное производство к инструменту государственной пропаганды (Гутмане 2026, 67). В рамках этой системы лирический и индивидуальный голос оказался маргинализированным в пользу коллективных нарративов, соответствующих партийной идеологии, что создало культурную среду, в которой формальные эксперименты или тематические отклонения часто интерпретировались как проявления политической нелояльности.

При И.В. Сталине советское культурное пространство характеризовалось всеобъемлющей системой идеологического контроля, подчинявшей литературу политическим приоритетам государства (Франклин 2025). Ряд исследователей в своих трудах подчеркивают, что именно смерть И.В. Сталина (5 марта 1953 г.) стала важнейшим переломным моментом и ключевой предпосылкой начала трансформации в советском социокультурном пространстве (Гутмане 2026), (Кубанев, Набилкина 2020). Этот переходный период получил широкое распространение как «хрущёвская оттепель». Дж.М.

Хадсон подчеркивает, что именно данный период ознаменовал постепенный отход от жёстких механизмов культурного регулирования (Хадсон 2010). Н. Конди (2000) и К.А. Савосин (2026) утверждают, что ранние институциональные реформы, включая создание Министерства культуры в 1953 г., свидетельствовали об осторожной попытке реорганизовать систему культурного управления и частично отделить культурное производство от прямых пропагандистских функций. На этом первоначальном этапе писатели и критики начали подвергать сомнению доктрину «бесконфликтности», характерную для позднесталинской прозы, стремясь обратить внимание на психологические и эмоциональные измерения советской жизни и «выступая за «искренность» и возвращение к эмоциональной реальности человеческого опыта (Пильник 2025)

Главным катализатором в процессе культурной либерализации СССР стал XX съезд Коммунистической партии в 1956 г., на котором Н.С. Хрущёв зачитал «секретный доклад», осуждающий культ личности. Согласно определению Н. Конди, это привело к «кризису легитимной преемственности», при котором разоблачение сталинской фигуры «отца» оставило культурный истеблишмент без традиционного патриархального авторитета. Исследователи отмечают, что Хрущёв стремился преодолеть этот кризис, представляя свои реформы как возвращение к «чистым ленинским» принципам. Н.А. Кубанев и Л.Н. Набилкина утверждают, что публичное признание отдельных аспектов сталинских репрессий создало идеологическое пространство для частичной реабилитации ранее запрещённых авторов и подъема интереса к зарубежным литературным традициям (Кубанев, Набилкина 2020). Всё большую значимость приобретали призывы к «искренности и открытости в литературе», писатели отходили от жёстких идеологических формул к более сложному осмыслению индивидуальной субъективности и частного опыта. И. Каспи подчеркивает, что эти процессы

способствовали появлению так называемых «шестидесятников» — поколения писателей и интеллектуалов, воспринимавших свою культурную деятельность как часть более широкого проекта морального и общественного обновления (Каспи 2016).

Тем не менее трансформация советской литературы в период «оттепели» разворачивалась в условиях сохранявшихся противоречий и постоянного поиска баланса между творческой автономией и политическими ограничениями. Она отличалась своей проницаемостью для партийной бюрократии и низким уровнем профессиональной автономии. Д. Франклин указывает на то, что такие авторитетные журналы, как «Новый мир» и «Юность», функционировали как автономные площадки, где редакторы и авторы осторожно расширяли границы допустимого дискурса, оставаясь при этом под наблюдением идеологических инстанций (Франклин 2025). Следовательно, в рамках системы «крупные» журналы превращались в площадки культурного торга и переговоров, что указывает на умение редакторов уверенно маневрировать между расплывчатыми политическими директивами, расширяя пределы допустимого. Это позволяло журналам реагировать на возникновение новых культурных тенденций еще до их официального подавления или распространения. Например, в журнале «Знамя» вышла повесть Ильи Эренбурга под названием «Оттепель» (1954), где описывается личная жизнь, любовь и нравственный выбор героев на фоне рабочих заводских будней, а само название повести стало символом целого исторического периода. Также в журнале «Новый мир» вышло произведение В. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), где автор дает критический анализ бюрократической системы управления страной.

Социальное воздействие этих изменений часто рассматривается через призму феномена «шестидесятников» (Б.А. Ахмадулина, Р.С. Рождественский, И.А. Бродский, Б.Ш. Окуджава и др.). Исследования

подчёркивают существование в этот период фундаментальной «борьбы за язык», в рамках которой такие поэты, как А. Вознесенский, Б. Ахмадулина и Е. Евтушенко, возвращали в литературу лирическое «я», отказываясь от шаблонных клише в пользу непосредственного личного голоса (Лоувен 2017, 215). Здесь следует упомянуть публичные выступления писателей в Политехническом музее, в Лужниках, на площади В. Маяковского, как значимые события, где обсуждались общественные проблемы. Наиболее заметным выражением культурного сдвига стал феномен «стадионной поэзии», превративший поэтическое выступление в мощную общественно-политическую силу. Либерализация досуга способствовала развитию индивидуальной инициативы среди молодёжи: «стимулируя неформальные культурные практики и формы “социалистического веселья”, бросающие вызов аскетизму предшествующей эпохи» (Остачер 2025). Иными словами, на смену официозу и страху пришли живое слово, личная свобода и жажда неформального общения: стихи у костра, авторская песня, дискуссии в компаниях как живое общение – и это становилось настоящей отдушиной для общества.

Однако, культурная либерализация оставалась нестабильной и обратимой. Исследователи подчёркивают, что «оттепель» определялась внутренними противоречиями и периодическими «заморозками» (Михайлова 2025, 212). Новаторское абстрактное искусство, доминировавшее в России в 1910-1920-е гг. («золотой век» авангарда), в 1930-х гг. было объявлено «антинародным искусством». Несмотря на это, конец 1950-х – 1960-е гг. называют ренессансом «оттепели» – вторым рождением абстракции в России, но уже в неофициальной культуре, так как молодые писатели и художники вдохновлялись западными выставками и заново открывали ее для себя, однако в результате объявленного запрета на него вынуждены были уйти в андеграунд – протестное направление, проявляющееся в нарушении

общепризнанных традиций. Д. Лоуен подчеркивает, что посещение Н.С. Хрущёвым выставки в Манеже (1962 г.) стало решающим переломным моментом, когда государство открыто осудило модернизм как идеологическую угрозу (Лоуен 2017, 215). Хрущёв резко отверг абстракционизм, публично оскорбив художников, утвердив себя в роли «критика искусства №1». Развернулась компания по борьбе с абстракционизмом, а ее культурных деятелей вычеркнули из всех официальных списков. Советское руководство всячески ужесточало идеологический контроль и их показательные встречи с творческой интеллигенцией 1963 г. послужили предупреждением о том, что для тех, кто выйдет за пределы дозволенного (воспевание трудовых подвигов, показ советского человека как строителя светлого будущего, героев войны и т.д.), вновь наступят «морозы». Исследователи Н. Конди., Д. Франклин, Т. Остачер приходят к выводу, что эпоха «оттепели» сформировала феномен, который Д. Спечлер (Спечлер 1982) называет «разрешённым инакомыслием» (permitted dissent), когда писателям приходилось лавировать между художественной целостностью и партийной идеологической лояльностью. Писателям позволялось обращаться к повседневным человеческим проблемам при условии, что их произведения подтверждали «социалистический идеал». Тем самым формировалось своеобразное «третье пространство» культурного производства, не являвшееся ни полностью конформистским, ни открыто диссидентским, что позволяло включать элементы подлинного самовыражения в рамки культуры, финансируемой государством.

Эпоха «разрешённого инакомыслия» фактически начала распадаться после смещения Хрущёва в 1964 г.; хотя отдельные сферы культуры ещё некоторое время сохраняли либеральные тенденции. Процесс над А.Д. Синявским и Ю.М. Даниэлем в 1966 г., окончательно закрепили возврат к неосталинской жёсткости, положив конец уникальным культурным кодам оттепели (Конди 2000), (Пильник 2025).

Тематические и повествовательные трансформации в литературе

«Хрущёвская оттепель» инициировала реконфигурацию советского литературного поля, ознаменовав переход от жёстко регламентированной государством «литературы факта» к глубокому исследованию индивидуального сознания и человеческого существования. Он характеризовался онтологическим сдвигом, который существенно изменил тематические границы, глубину субъективности и формальные структуры литературного творчества, отдаляя его от «помпезного и лживого» стиля сталинской эпохи (Конди 2000), (Кубанев, Набилкина 2000).

1- Тематический сдвиг

Самым непосредственным изменением стало отрицание сталинской теории «бесконфликтности», которая сводила литературный конфликт к противостоянию «хорошего и ещё лучшего», поддерживая иллюзию безусловного оптимизма. Ряд литературных критиков и писателей, среди которых ключевые роли сыграли О. Берггольц, И. Эренбург и Л.А. Плоткин, вдохновлённые программным эссе В. Померанцева «Об искренности в литературе» (1953 г.), начали открыто требовать отказа от формульных клише, «лакировки действительности» и так называемой «сельскохозяйственной поэзии». М.С. Петренко настаивает, что это способствовало повороту: «... к изображению сложностей повседневного быта и индивидуальных нравственных переживаний, что фактически означало постепенную деидеологизацию массового сознания в пользу личного жизненного опыта» (Петренко 2025, 463). Литература эпохи «оттепели» начала смело обращаться к подавляемой исторической памяти коллективизации. К примеру, произведение А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» впервые представило широкой публике реальность деградации лагерной системы ГУЛАГа (загнивающая бюрократическая система, взяточничество, блат,

интриги и произвол надзирателей). Этот поворот служил также инструментом восстановления роли интеллигенции в условиях воспринимаемого «дефицита духовности» позднесоветской эпохи.

В этот период также возникло направление «деревенской прозы», в рамках которого В.Г. Распутин и В.П. Астафьев, «стремились возродить традиционные моральные ценности и национальную идентичность, создавая произведения так, словно предписания социалистического реализма больше не существовали» (Петренко 2025). Параллельно происходило «второе открытие» западной литературы, ставшее важным фактором деидеологизации советской культуры. Публикация ранее запрещённых авторов (А.А. Ахматова, О.Э. Мандельштам, Н.А. Заболоцкий, М.А. Булгаков, Э.М. Ремарка, Э. Хемингуэя и др.), предоставляла читателям возможность познакомиться с художественным миром, свободным от идеологических клише, тем самым удовлетворяя личные культурные потребности, долгое время игнорировавшиеся в условиях сталинской самоизоляции.

2. Трансформация образа героя и субъективности

Однозначно, период оттепели способствовал восстановлению лирического «я», которое ранее было вытеснено коллективистскими и государственно ориентированными моделями. N. Condee и D. Loewen считают, что О.Ф. Берггольц, Л.Г. Зорин, выступили ранними катализаторами этого процесса, смело утверждая право поэта говорить от собственного лица и формируя пространство для более личной интерпретации со стороны читателя (Конди 2000, 160), (Лоувен 2017, 202). Возвращение субъективности позволило глубже исследовать темы сомнения, совести и человеческой уязвимости, заменив «архетип «нового советского человека» персонажами, определяемыми их внутренними переживаниями и духовными поисками» (Пильник 2025)

Поколение «шестидесятников» ввело новую типологию литературных героев, среди которых особое место занял образ «героя неудачника» и скептика, недоверчиво относящегося к грандиозным идеологическим установкам старшего поколения. Такие авторы, как Б.Ш. Окуджава и В.П. Аксёнов, создавали образы героев, обладавших мужеством, но лишённых традиционного эпического героизма; их судьбы нередко отражали феномен «безотцовщины» послевоенного поколения, стремившегося к самоопределению вне рамок государственного патернализма. Этот поворот к внутреннему миру помогал интеллектуалам осмыслить неопределённости постсталинской эпохи, предлагая своеобразный «источник цивилизованных ценностей» (Тромли 2017, 106).

Трансформация субъективности также осложнялась появлением образа «новой советской молодежи», от которой ожидалось участие в общественной жизни через инициативу «снизу», а не посредством принуждения (Остачер 2025). Отмечается гендерное измерение этого процесса: выражение эмоций и переживание утраты всё чаще переносились в художественной культуре на женские образы. Персонажи литературы и кино всё чаще воплощали архетип «русской женщины-матери», совмещающей заботу о семье со стойкостью в преодолении жизненных трудностей, что отражало изменение культурных установок и отход от обезличенного образа женщины труженицы сталинской эпохи (Беганова 2024).

3. Изменения формы и литературной техники

Фундаментальная трансформация литературы периода «оттепели» проявлялась в постепенном ослаблении канонов социалистического реализма и появлении структурной неоднозначности. Финалы произведений всё чаще отходили от клишированного оптимистического завершения, уступая место более амбивалентным или открытым концовкам, отражавшим

неопределённость реальной жизни. Так З. Гутмане, утверждает, что «“поэзия реальной жизни” делала акцент на фактическом повествовании и языковой достоверности, признавая трудности действительности», одновременно подчёркивая «личную ответственность и способность человека к стойкости» (Гутмане 2026, 69).

Исследователи отмечают также сильную документальную тенденцию в литературе этого периода. Ярким примером тому стал жанр «романа-документа». Американский исследователь Ш.А. Пильник указывает на то, что А.В. Кузнецов, использовал повествование от первого лица, основанное на свидетельствах очевидцев, чтобы «преодолеть разрыв между исторической реальностью и художественным вымыслом, включая в текст подлинные документы для раскрытия ранее подавляемых истин» (Pilnik 2025, 158). В результате поиск фактической и нравственной истины превращал сам процесс литературного творчества в самоценность, нарушая нормы институциональной безличности и утверждая автономию автора.

Структурные противоречия и пределы культурной либерализации

«Хрущёвская оттепель» характеризовалась фундаментальным структурным парадоксом: стремление государства модернизировать и заново мобилизовать советское общество требовало такого уровня интеллектуальной вовлечённости, которая одновременно ставила под угрозу монополию партии на идеологическую истину (Кубанев, Набилкина 2020, 2193). Это противоречие сформировало культурный ландшафт, определявшийся не линейным движением к творческой свободе, а неустойчивыми циклами «оттепелей» и «заморозков», период относительной открытости сменялся жёстким дисциплинарным контролем. Культурная либерализация оставалась по своей сути избирательной. Однако все было сложнее: тематические границы искусства расширялись, но базовые институциональные механизмы

авторитарного контроля и приоритет социалистического реализма тщательно сохранялись.

В постсталинскую эпоху характер культурного регулирования эволюционировал – от физического террора и прямых репрессий сталинского периода к более сложной системе бюрократического контроля и профессиональных санкций. Д. Франклин подчеркивает, что, несмотря на то что центральный цензурный орган «Главлит» продолжал существовать, государство стратегически перераспределило функции цензуры между редакторами и самими авторами (Франклин 2025). В результате возник режим превентивного самоограничения, при котором «крупные журналы» «... превращались в первую линию идеологической защиты, осуществляя “предварительную цензуру” и проверяя рукописи на соответствие допустимым рамкам ещё до их передачи официальным государственным цензорам» (Дьюхирст., Фарелл 1973).

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что «хрущёвскую оттепель» невозможно понимать ни как простой эпизод культурной эмансипации, ни как смягчённое продолжение сталинского контроля. Историки и литературоведы последовательно интерпретируют этот период как структурно нестабильный этап, в рамках которого идеологическая власть была частично переосмыслена, но полностью не утрачивала своего господства. В ответ на исследовательский вопрос о том, как учёные объясняют влияние культурной либерализации на тематические ориентиры, повествовательные формы и моральные перспективы советской литературы, становится очевидно, что «оттепель» правомерно интерпретировать как согласованную с властью трансформацию литературной культуры, а не как разрыв с самой советской системой. В результате было выявлено, что учеными и исследователями фиксировались глубокие изменения литературных приоритетов. Отказ от бесконфликтности,

возвращение лирического «я», появление морально неоднозначных героев, а также развитие документальной прозы и повествовательных структур с формальной неоднозначностью свидетельствуют о возросшем внимании к индивидуальной внутренней жизни и этическому поиску. Литература всё чаще обращалась к исторической травме, повседневному быту и вопросам совести, которые в эпоху позднего сталинизма были вытеснены на периферию культурного дискурса. Одновременно исследования литературных журналов, редакторского посредничества и зависимого от власти советского культурного производства подчёркивают, что эти преобразования происходили в рамках тщательно контролируемых институциональных границ. Автономия не предоставлялась напрямую, а вырабатывалась через постоянный процесс согласования; инакомыслие допускалось, но оставалось строго ограниченным. Отметим, что наиболее значимая трансформация эпохи «оттепели» заключалась не в устранении идеологического контроля, а в переосмыслении культурной функции литературы. Советское литературное поле превратилось в пространство постоянного соперничества и переговоров, где моральная субъективность вновь вошла в публичный дискурс, оставаясь при этом встроенной в финансируемые государством и бюрократически регулируемые институции. В результате возникло не состояние полной творческой свободы и не простое подчинение официальной линии, а динамическое и крайне неустойчивое равновесие. Нестабильность этого равновесия, особенно проявившаяся в таких событиях, как Манежная выставка 1962 г., а затем окончательно закреплённая в ходе культурного ужесточения после 1964 г., выявляет структурные пределы самой десталинизации.

Литература

- 1- Беганова Р. (2024). *Окрашено контекстом: интерпретация фильма Александра Роу «Морозко» (1964) в рамках политики хрущевской оттепели.* Журнал исторических исследований. УВС. 2024, №16, с. 17–38.

- 2- Голубцова А.В. (2026). *Гоффредо Паризе и СССР*. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2026, №1, с. 20–31.
- 3- Гутмане З. (2026). *Эстетика концовок в рассказах Эвалдса Вилкса периода Оттепели*. Respectus Philologicus. 2026, Т. 49 (54), с. 65–78.
- 4- Дьюхирст М., Фаррелл Р. (1973). *Советская цензура*. Метачен, Нью-Джерси: Скэркроу Пресс, 1973.
- 5- Каспи И. (2016). «Мы живем в эпоху, дающую смысл жизни»: конструирование поколения «шестидесятников» в журнале «Юность». Новое литературное обозрение, 2016, № 137, с. 130–148.
- 6- Конди Н. (2000). *Культурные коды Оттепели* // Никита Хрущев / Под ред. У. Таубмана. Издательство Йельского университета, 2000, с. 160–176.
- 7- Кубанев Н.А., Набилкина Л.Н. (2020). *Культурная трансформация в СССР: от морозов к «оттепели» и обратно*. Европейские труды по социальным и поведенческим наукам. 2020. с. 2189–2194. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.289>, дата обращения 25.04.2026.
- 8- Лоувен Д. (2017). *Размытые границы: русская поэзия и советская политика в период Оттепели*. Русская литература, 2017, № 87, с. 201–224. URL: <http://doi.org/10.1016/j.ruslit.2017.04.008>, дата обращения 25.04.2026
- 9- Михайлова М.Е. (2025). *Судьба «полочного кино»: социокультурный контекст и причины запрета фильмов в период хрущёвской и брежневской эпох*. Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2025, №3, с. 200–217.
- 10- Остачер Т. (2025). *Авангард всего прогрессивного человечества: молодежная культура, мобилизация и новый советский (молодой) человек в СССР послесталинского периода*. Дипломный проект. Колледж Макалестер. 2025. URL: https://digitalcommons.macalester.edu/history_honors/37/, дата обращения 25.05.2026.
- 11- Петренко М.С. (2025). *Консервативный сдвиг и нормализация культурного поля в первое брежневское десятилетие*. Идеи и идеалы. 2025, №42, с. 452–473.
- 12- Попова О.Д., Масловский М.О. (2025). *Трансформация культурной жизни в условиях социального пространства провинции рубежа 1950-х-1960-х годов*. Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. №31, с. 48-57.
- 13- Пильник Ш.А. (2025). *Овраг памяти: Бабий Яр между Холокостом и Великой Отечественной войной*. Издательство Университета Пердью.
- 14- Савосин К. (2026). *Изменения в культурной политике в период хрущевской «оттепели»*. Проблемы научно-практической деятельности. Поиск и выбор инновационных решений. 2026, с. 101–103.
- 15- Спечлер Д. (1982). *Разрешенное инакомыслие в СССР: «Новый мир» и советский режим*. Praeger Publishers. 1982. 293 с.

- 16- Тромли Б. (2017). *Рецензия на книгу «Создание советской интеллигенции: университеты и интеллектуальная жизнь при Сталине и Хрущеве»*. Журнал евразийских исследований. 2017. № 1, с. 106–107.
- 17- Хадсон Дж.М. (2010). *Застывшая оттепель: переменчивые отношения между Хрущевым и литературной интеллигенцией*. Магис. дисс. Южный методистский университет. 2010. 85 с.
- 18- Федотов А.И. (2025). *Досуг и хобби в Советском Союзе в период «оттепели»*. Юный историк. 2025. №3, с. 70–82.
- 19- Франклин Д. (2025). *Поле под давлением: советские литературные журналы и автономия в советской литературной жизни*. Дисс. ... канд. наук (Ph.D.). Колумбийский университет. 2025. 155 с.

Bibliography

- 1- Beganova R. (2024). *Okrasheno kontekstom: interpretatsiia fil'ma Aleksandra Rou «Morozko» (1964) v ramkakh politiki khrushchevskoi оттепели*. Zhurnal istoricheskikh issledovani. UBC. 2024, №16, s. 17–38.
- 2- Golubtsova A.V. (2026). *Goffredo Parize i SSSR*. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura, 2026, №1, s. 20–31.
- 3- Gutmane Z. (2026). *Estetika kontsovok v rasskazakh Evaldsa Vilksa perioda Ottepli*. Respectus Philologicus. 2026, T. 49 (54), s. 65–78.
- 4- D'iukhirst M., Farrell R. (1973). *Sovetskaia tsenzura. Metachen, N'iu-Dzhersi: Skerkrou Press, 1973.*
- 5- Kaspi I. (2016). *«My zhivem v epokhu, daiushchuiu smysl zhizni»: konstruirovaniie pokoleniia «shestidesiatnikov» v zhurnale «Iunost'»*. Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, № 137, s. 130–148.
- 6- Kondi N. (2000). *Kul'turnye kody Ottepli // Nikita Khrushchev / Pod red. U. Taubmana*. Izdatel'stvo Iel'skogo universiteta, 2000, s. 160–176.
- 7- Kubanev N.A., Nabilkina L.N. (2020). *Kul'turnaia transformatsiia v SSSR: ot morozov k «ottepli» i obratno*. Evropeiskie trudy po sotsial'nym i povedencheskim naukam. 2020. s. 2189–2194. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.289> , data obrashcheniia 25.04.2026.
- 8- Louven D. (2017). *Razmytye granitsy: russkaia poeziia i sovetskaia politika v period Ottepli*. Russkaia literatura, 2017, № 87, s. 201–224. URL: <http://doi.org/10.1016/j.ruslit.2017.04.008> , data obrashcheniia 25.04.2026
- 9- Mikhailova M.E. (2025). *Sud'ba «pOLOCHNOGO kino»: sotsiokul'turnyi kontekst i prichiny zapreta fil'mov v period khrushchevskoi i brezhnevskoi epokh*. Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2025, №3, s. 200–217.

- 10- Ostacher T. (2025). *Avangard vsego progressivnogo chelovechestva: molodezhnaia kul'tura, mobilizatsiia i novyi sovetskii (molodoi) chelovek v SSSR poslestatinskogo perioda*. Diplomnyi proekt. Kolledzh Makalester. 2025. URL: https://digitalcommons.makalester.edu/history_honors/37/ , data obrashcheniia 25.05.2026.
- 11- Petrenko M.S. (2025). *Konservativnyi sdvig i normalizatsiia kul'turnogo polia v pervoe brezhnevskoe desiatiletie*. Idei i idealy. 2025, №42, s. 452–473.
- 12- Popova O.D., Maslovskii M.O. (2025). *Transformatsiia kul'turnoi zhizni v usloviakh sotsial'nogo prostranstva provintsii rubezha 1950-kh-1960-kh godov*. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya. 2025. №31, s. 48-57.
- 13- Pil'nik Sh.A. (2025). *Ovrag pamiati: Babii Iar mezhdu Kholokostom i Velikoi Otechestvennoi voinei*. Izdatel'stvo Universiteta Perd'iu.
- 14- Savosin K. (2026). *Izmeneniia v kul'turnoi politike v period khrushchevskoi «ottepli»*. Problemy nauchno-prakticheskoi deiatel'nosti. Poisk i vybor innovatsionnykh reshenii. 2026, s. 101–103.
- 15- Spechler D. (1982). *Razreshennoe inakomyslie v SSSR: «Novyi mir» i sovetskii rezhim*. Praeger Publishers. 1982. 293 s.
- 16- Tromli B. (2017). *Retsenziia na knigu «Sozdanie sovetskoi intelligentsii: universitety i intellektual'naia zhizn' pri Staline i Khrushcheve»*. Zhurnal evraziiskikh issledovani. 2017. № 1, s. 106–107.
- 17- Khadson Dzh.M. (2010). *Zastyvshaia ottepel': peremenchivye otnosheniia mezhdu Khrushchevym i literaturnoi intelligentsiei*. Magis. diss. Iuzhnyi metodistskii universitet. 2010. 85 s.
- 18- Fedotov A.I. (2025). *Dosug i khobbi v Sovetskom Soiuze v period «ottepli»*. Iunyi istorik. 2025. №3, s. 70–82.
- 19- Franklin D. (2025). *Pole pod davleniem: sovetskie literaturnye zhurnaly i avtonomiia v sovetskoii literaturnoi zhizni*. Diss. ... kand. nauk (Ph.D.). Kolumbiiskii universitet. 2025. 155 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Siyami Eidlak, K., Sabzi, A., & Khalafi, H. (2026). CULTURAL LIBERALIZATION DURING THE KHRUSHCHEV THAW AND THE TRANSFORMATION OF SOVIET LITERATURE: A NARRATIVE REVIEW. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 14(2), 147-166.

DOI: 10.66224/IARLL.28.8

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/426>

آزادسازی فرهنگی در دوران «ذوب شدگی خروشیچف» و دگرگونی ادبیات

شوروی: یک مرور روایتی

خلیدا صیامی ایدلاک^{*۱}

دانشیار، دکتری زبان و ادبیات روسی، دانشگاه بجنورد،
بجنورد، ایران

علی سبزی^۲

کارشناس ارشد مطالعات روسیه، دانشگاه تهران،
تهران، ایران

حسین خلفی^۳

کارشناس ارشد ادبیات روسی، دانشگاه تهران،
تهران، ایران

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۶)

چکیده

این پژوهش به تحلیل کیفی دیدگاه‌های پژوهشگران درباره «دوران ذوب شدگی خروشیچف» از اواسط دهه ۱۹۵۰ تا اواسط دهه ۱۹۶۰ و تأثیر آن بر ادبیات شوروی می‌پردازد. موضوع پژوهش، بررسی رابطه متقابل میان آزادسازی فرهنگی، نهادهای ادبی و دگرگونی بیان هنری در دوران «ذوب شدگی» است؛ دوره‌ای که می‌توان آن را مرحله‌ای از بازسازی فرهنگ شوروی دانست که علی‌رغم ایجاد گشایش‌های قابل توجه، همچنان از نظر ساختاری ناپایدار و از نظر سیاسی محدود بود. این مقاله با تکیه بر پژوهش‌های ادبی معاصر و تاریخی، گذار از فضای ایدئولوژیک سخت‌گیرانه دوران استالین، که با غلبه رئالیسم سوسیالیستی، کنترل نهادی و سرکوب بیان فردی مشخص می‌شد، به محیط فرهنگی منعطف‌تر، اما همچنان محدودشده‌ای را بررسی می‌کند که پس از مرگ استالین در سال ۱۹۵۳ و به دنبال محکومیت کیش شخصیت از سوی نیکیتا خروشیچف در سال ۱۹۵۶ شکل گرفت. یافته‌های پژوهش نشان می‌دهد که دوران «ذوب شدگی» تغییرات مهمی در ادبیات شوروی ایجاد کرد؛ از جمله کنار گذاشتن اصل «بی‌تعارضی»، بازگشت «من» غنایی، افزایش توجه به آسیب‌ها و زخم‌های تاریخی و زندگی روزمره، و شکل‌گیری روایت‌هایی با ابهام بیشتر و شخصیت‌هایی با پیچیدگی‌های اخلاقی. نتایج این مطالعه نشان می‌دهد که اهمیت فرهنگی «دوران ذوب شدگی خروشیچف» نه در از میان رفتن کنترل ایدئولوژیک، بلکه در بازنگری نسبی در جایگاه و کارکرد ادبیات در فرهنگ شوروی و شکل‌گیری الگویی شکننده از «مخالفت مجاز» نهفته بود.

واژگان کلیدی: دوران ذوب شدگی خروشیچف، ادبیات شوروی، استالین‌زدایی، رئالیسم سوسیالیستی، آزادسازی فرهنگی.

1. E-mail: kh.siyami@ub.ac.ir; <http://orcid.org/0000-0001-94667428>

* نویسنده مسئول

2. E-mail: ali.sabzi@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0009-0009-7324-5387>

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

3. E-mail: khalfihosseini@ut.ac.ir; <http://orcid.org/0009-0000-0053-0472>